

DOI: <http://dx.doi.org/10.15688/jvolsu4.2015.2.6>

ББК 86.372(2Рос-6Чук)«16/192»

УДК 271.2(571ю651)«16/192»

МИССИОНЕРСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ НА ЧУКОТКЕ (XVII – НАЧАЛО XX в.)

Юрганова Инна Игоревна

Кандидат исторических наук,
старший научный сотрудник сектора истории Якутии Института гуманитарных исследований
и проблем малочисленных народов Севера Сибирского отделения Российской Академии наук
inna.yurganova@mail.ru
ул. Петровского, 1, 677000 г. Якутск, Российская Федерация

Аннотация. Рассматривается миссионерская деятельность Русской православной церкви на Чукотском полуострове в контексте цивилизационной составляющей интеграции Чукотки в российское имперское пространство в XVII – начале XX в., в том числе краткая историография проблемы, история строительства храмов и часовен, создание православной миссии, ее структура и территориальные границы деятельности миссионеров. Определены этапы деятельности по христианизации чукчей, введены в научный оборот неопубликованные архивные источники. Установлены как объективные, так и субъективные причины медленных темпов христианизации населения Чукотки, дана оценка деятельности миссионеров, определены итоги распространения православия к началу XX века. Отмечено, что несмотря на фактическую передачу миссии по указу Синода в состав Алеутской епархии в начале XX в., ее отчетность и назначение миссионеров оставалось прерогативой якутских архиереев.

Ключевые слова: Чукотка, миссионерство, цивилизационное влияние, Чауно-Чукотский миссионерский стан, походное служение, кочевья, чукчи, церковь.

Одним из значимых этапов российской истории представляется «приращение» восточных земель к Русскому государству и включение народов, проживающих на этих территориях, в сферу влияния христианской цивилизации. Благодаря гибкой, поливариантной «аборигенной» политике центрального правительства, вырабатываемой во многих случаях практикой и сочетающей как сотрудничество с военно-потестарными элитами, так и администрирование и прямое насилие, большинство населения обширного сибирского региона достаточно быстро стали подданными «белого царя». Процесс присоединения Чукотского полуострова к России проходил

сложно и долговременно. Выйдя в середине XVII в. на северо-восточную оконечность Сибири, представители русского государства столкнулись с серьезным сопротивлением чукчей и азиатских эскимосов, вооруженная борьба с которыми растянулась более чем на столетие, принимая в отдельные годы характер широкомасштабных (по сибирским меркам) военных действий [11, с. 3].

Взаимоотношения русских с жителями Чукотки стали объектом научного исследования участников Второй Камчатской экспедиции (середина XVIII в.) Г.Ф. Миллер изучал причины конфликтов и указывал, что самыми непокорными в Сибири являются самоеды,

юраки, коряки и чукчи, то есть северные народы [12; 27]. Участники различных арктических экспедиций, сибирские краеведы и священники-миссионеры в XIX в. также обращались в своих трудах к вопросу присоединения Чукотского полуострова [16; 21; 23]. Политссылный, участник экспедиций, исследователь истории Чукотки В.Г. Богораз-Тан описывал русско-чукотские взаимоотношения XVII–XVIII вв. как затяжную войну. Вторая часть 4-томного труда Богораз посвящена вопросам религиозного мировоззрения чукч: в ней рассматриваются традиционные верования жителей Чукотки и дается негативная оценка деятельности православных миссионеров [2].

В советский и постсоветский период объектом внимания исследователей истории Чукотки стали вопросы характеристики процесса приведения народов Чукотки под русскую корону, изучение истории географических открытий, военного дела и объяснения чукчей, культурных контактов и этнография [3; 4; 8; 10; 14; 17]. Представители зарубежной историографии рассматривали историю Чукотки в контексте концепции «русской восточной экспансии» [5; 19; 28; 29]. Проблемам русско-чукотских отношений посвящены статьи и монографии А.С. Зуева, характеризующего их как военный способ решения политического вопроса о власти [11].

Труды А.И. Ткалича, содержащие объективный анализ истории православия на Чукотке, в том числе ее миссионерской составляющей, посвящены региональным особенностям становления и развития просветительской деятельности Русской православной церкви среди коренных народов Крайнего Северо-Востока в XVIII – начале XX века [24; 25].

В церковно-административном отношении Чукотский полуостров входил в сферу деятельности архиереев, управляющих территорией Якутии (Тобольской митрополии, Иркутской, Камчатской и Якутской епархий Русской православной церкви), и исторические источники о миссионерстве на Чукотке отложились в архивах Якутии.

Одним из интеграционных рычагов воздействия на коренное население присоединенных территорий являлась христианизация. Православная церковь приходила на

новые территории вместе с первопроходцами и промышленными людьми, в отрядах которых присутствовали священники. Православие проникало вглубь новых российских земель, распространяясь среди коренных обитателей Чукотки, Камчатки, Колымы и Охотского побережья.

Специфической чертой функционирования православной церкви на востоке страны стала ее миссионерская работа по христианизации коренных народов, возведенная в ранг государственной задачи и представляющая интерес не только с точки зрения распространения православия среди коренного населения, но и с точки зрения цивилизационного влияния христианства в контексте целостного культурно-исторического развития обширного региона. Государственная политика по обращению в православие народов северо-востока прошла несколько этапов и окончательно оформилась к началу XX века. Значительные территориальные пространства, низкая плотность населения, говорящего на своих языках, отсутствие упорядоченного транспортного сообщения определили особенности христианизации региона. Хронологические рамки данного процесса охватывают конец XVII – первую половину XIX в., хотя прецеденты крещения язычников, в том числе чукчей, известны и в начале XX века. Исследователи подчеркивали: «...в XVII столетии не могло быть речи о широкой систематической организации дела просвещения христианством инородцев, различавшихся между собой племенным происхождением, религиозными верованиями, языком и бытом... Что могли сделать при подобных обстоятельствах люди, пришедшие, может быть, случайно, не знающие ни языка, ни обычаев и т. д.» [18, с. 56].

Первые встречи русских отрядов, занимавшихся поиском новых земель, богатых пушным промыслом и «рыбьим зубом» (моржовой костью), с чукчами относятся к середине XVII в., когда российская власть уже имела опыт присоединения земель с нерусским населением, в том числе и сибирскими народами. В 1644 г. был основан Нижне-Колымский острог, в 1648 г. (1649 г.) – Анадырский, и сооружены деревянные церкви. Однако установить мирные отношения с жителями Чукотки не удавалось на протяжении почти двух веков и к началу XIX в. присоединенной к Российской империи можно было

считать только территорию расселения колымско-алазейских чукчей в связи с тем, что ее обитатели исчезли, оставив свои владения в распоряжение русских.

После ликвидации Анадырского острога, содержание которого превышало его эффективность, церковная утварь Спасского храма была передана в церкви Гижигинской крепости и Нижне-Колымска. В 1764 г. на основании указа Сената в Иркутской епархии были учреждены две должности веропроповедников (с жалованием по 150 р./г.), один из которых должен был обслуживать территорию Якутии. В поездках миссионера «для охранения и прочей надобности» сопровождали казаки, что свидетельствует о заинтересованности светской власти в результатах крещения [18, с. 58].

После ряда военных неудач государственная власть изменяет политику и в 1778 г. был заключен мирный договор с чукчами. В 1808–1810 гг. на острове реки Малый Анюй было выбрано место для ярмарки. В центре Анюйской крепости по инициативе протоиерея Г. Слепцова, которому согласно особому указу Синода было разрешено иметь походную церковную утварь, была сооружена часовня Св. Николая Чудотворца, покровителя всех торгующих и путешествующих, относящаяся к Якутской духовной миссии. В 1839 г. в пос. Крепость была построена часовня, священник которой выезжал на устье Анадыря, где кочевали чукотские роды, но до середины XIX в. распространение православия среди чукчей проходило в основном через Анюйскую часовню во время ярмарки.

Необходимо учитывать, что деятельность священников-миссионеров проходила в тяжелых условиях: суровый климат, рассредоточенность населения. Путешествия в отдаленные стойбища растягивались на несколько месяцев, из которых только несколько дней иерей выполнял свои непосредственные обязанности. Служение сопровождалось трудностями и материального характера: задержки в получении жалования и средств на путевые расходы исчислялись годами и часто миссионеры и их семьи голодали. Государственная и церковная власть по мере распространения и укрепления православия, учитывая многочисленные трудности служения на

окраинах империи, разработала систему льгот и поощрений для миссионеров: выдача подвод и подорожных сумм, повышенный оклад жалования, пайковые выплаты, пенсионное обеспечение и др., но миссионерское (походное) служение оставалось трудным, а иногда и опасным.

Первоначально функции миссионеров возлагались на приходское духовенство епархий, имевших язычников. В середине XVII – первой половине XVIII в. в Якутии не было миссионеров в полном значении этого понятия, не было миссионерских учреждений и «не были выяснены практикой жизни самые миссионерские приемы и методы», а самой «разумной мерой для успеха миссионерства (было. – *И. Ю.*) строительство православных храмов и монастырей» [18, с. 56].

Указом Синода в 1844 г. были созданы две походные церкви – Николаевская и Благовещенская с резиденцией в г. Якутске. Обязанностью походных причтов было приобщение к православию жителей отдаленных наслегов. Заключительным этапом в организации миссионерской деятельности в крае явилось создание миссий с четко разработанной внутренней структурой, когда «государственная заинтересованность в христианизации аборигенного населения российских окраин придала миссионерской деятельности православной церкви новый импульс активности» [26, с. 25–34].

В 1843 г. миссионером на Колыму был назначен священник Андрей Иванович Аргентов¹, с именем которого связаны наиболее значительные успехи в христианизации чукчей. В первый же год пребывания в Нижне-Колымске он совершил несколько длительных поездок на собачьих упряжках по чукотским кочевьям. Результатом поездок стало письмо Аргентова Иркутскому епископу, в подчинении которого находилась Якутская область, о возможности образования отдельного причта и строительства церкви на землях чукчей. Миссионер нашел и купца-мецената, на средства которого в 1848 г. на устье Большой реки на берегу Ледовитого океана из выбрашиваемого на берег плавникового леса был возведен деревянный храм. В 1849 г. определением Синода было разрешено образовать новый Чауно-Чукотский приход Иркутской

епархии, на иерея которого были возложены миссионерские функции. Впоследствии, во время служения в Чауне Аргентов пришел к убеждению, что место, выбранное им для церкви, неудачно, так как чукчи сменили места своих кочевий. Сменивший Аргентова священник П. Суворов счел удобным оставаться в Нижне-Колымске.

Усилиями знатного чукчи А. Амвраурина на Эломбале была построена вторая чукотская церковь (часовня), ставшая в 1874 г. Эломбальским миссионерским станом Чукотской миссии. Опустевший Чаунский храм приходил в запустение и в начале XX в. его церковная утварь была перевезена в Нижне-Колымск.

В 1850–1852 гг. отцом Андреем были составлены переписные листы на прихожан-чукчей, куда ежегодно заносилось от 200 до 300 имен новокрещенных. Заметим, что среди прихожан церкви Нижне-Колымской крепости середины XIX в. прихожан чукчей не отмечено, тогда как в записях о прихожанах Чауно-Чукотского храма за 1851 г. имеется упоминание о 735 крещенных чукчах: «бродят на пространстве в 400 верст, образ жизни чукчей, их рассеянность и удаленность затрудняют сообщение», а также об обращении в православие 108 чукчей [13, ф. 226-и. оп. 5а. д. 30. л. 27–30].

В миссионерских отчетах Аргентов указывал, что под влиянием христианства исчезают некоторые чукотские обычаи, например, самоубийство стариков, многоженство, кровная месть: «...сами чукчи смотрят на эти обычаи как на остаток язычества, достойный порицания» [22, с. 48]. В то же время Суворов отмечал, что чукчи перед крещением «всю ночь шаманили, призывая своих духов, чтобы те показали им русского Бога» [1, с. 56]. Отчеты свидетельствуют, что Аргентов и Суворов посещали берега Ледовитого океана с проповедью Слова Божьего, тогда как последующие миссионеры ограничивали свои поездки Шелагинским мысом, видя «одних и тех же сидящих там чукоч» [13, ф. 228-и. оп. 1. д. 537].

В 1862 г. в селе Марково был возведен и освящен деревянный Николаевский храм к которому был переведен причт из пос. Крепость, и этому селу на протяжении длительного времени принадлежала важная роль в жизни огром-

ного края: в 1883 г. в Марково открылась первая на Чукотке церковно-приходская школа, а храм стал миссионерским центром по просвещению чуванцев, эвенов, коряков и чукчей.

В отчете архиепископа Камчатской епархии за 1868 г., в состав которой с 1856 г. входил Якутский край, указана Чаунская миссия и отмечено, что «новокрещенные охотно содействуют миссионерским поездкам миссионера-иеромонаха Петра Суворова» [21, с. 169]. Влияние миссии распространялось на северо-восточную часть Якутской области, в пределах Колымского и части Верхоянского округов. В 1889 г. миссия как структура уже самостоятельной Якутской епархии была разделена на три миссионерских стана: Чаунский, Сен-Кельский и Эломбальский; штат состоял из шести духовных лиц (3 священников-миссионеров и 3 псаломщиков) [6, с. 244].

Миссионерские станы обслуживали значительные территории: Чаунский стан – от устья р. Колыма до устья р. Чаун, затем Шелагинский мыс, Колпачинская губа и урочище Яхонт (конечный пункт достигнутый миссионерами), что составляло более 2 000 верст²; Эломбальский стан – от урочища Пантелеиха (на правом берегу р. Колымы) к рекам Большой Чаун, Малый и Большой Анюй, Большой и Малый Омоллон – более 3 000 верст; Сень-Кельский (Алазейский) стан от урочища Каретов Походск (на левом берегу Колымы до р. Индигирки) и далее (приблизительно 5 000 верст). Расстояние от ближайшего храма, Нижне-Колымского Спасского собора, до Чаунского стана составляло 170 верст, Эломбальского – 60 верст, Сень-Кельского – 40 верст [13, ф. 228-и. оп. 1. д. 541. л. 1–2].

Миссионеры Чаунского стана со второй половины XIX в. постоянно проживали в Нижне-Колымске в связи с тем, что, во-первых, жители «Большой реки» юкагиры, частью умерли, частью переселились на Колыму и местность «обезлюдела», во-вторых, в связи с ветхостью строений на территории стана и невозможностью проживать в них в зимнее время: «...для своего назначения здания эти удобны с 1 мая по 1 октября, когда в значительном количестве в окрестностях Большой реки кочуют чукчи Эломбальского стана, в другое же время года местность становится ...неудобной для жительства миссии» [13, ф. 228-и.

оп. 1. д. 541. л. 1–2]. В Эломбальском стане часовня и дома для причта, построенные в 1873 г., были расположены в местности, где не было оседлого населения и проходили кочевья чукотских родов (с конца октября до первых чисел мая) и поэтому миссионеры на территории стана находились только в этот период. В Сень-Кельском стане зданий, принадлежащих миссии, не было, и миссионер проживал в селении Ожогоино на р. Индигирке Верхоянского округа. Помимо чукчей на территории станов проходили кочевья ламутов, тунгусов и юаги-ров Алазейского рода.

Поездки миссионеры совершали преимущественно с ноября до апреля, по зимнему пути на оленях и собаках, по тундре, бездорожью. Очевидно, что на большие расстояния было сложно запастись кормом для собак и провизией, рассчитывая путь (при удобных промысловых условиях) в 25 или 30 дней.

Наиболее успешно миссионерская деятельность проходила в Эломбальском стане, в районе урочища Пантелеиха, где постоянно кочевали чукчи и куда ежегодно приезжал миссионер. Миссионеры-священники предпринимали длительные поездки по своему району. Так, священник Михаил Петелин в 1893 г. совершил путешествие «по берегу Ледовитого океана пешком с проводником из чукчей», священник Шилов более месяца находился в поездке к кочующим тунгусам, проделав свыше тысячи верст пути и проведя 14 ночей под открытым небом в снегу при сильном морозе [6, с. 365].

Представляет интерес рапорт настоятеля Чукотской миссии иеромонаха Виктора епископу Якутскому и Ленскому Мелетию³. В рапорте иеромонах, уроженец Вологодской епархии, более двадцати лет служивший на северных окраинах империи и награжденный орденом за крещение язычников, рассуждает о распространении религиозно-нравственного влияния на чукчей к концу XIX в. (1896 год). Он отмечает, что многолетние усилия миссионеров не приносят ожидаемых результатов, а эпизодичность посещений отдаленных стойбищ чукч не может удовлетворить самых необходимых потребностей по распространению веры: «...пробыв среди чукч кое-как три-четыре, а много пять дней, дав отдохнуть кошту, миссионер возвращается, опасаясь на пути

остаться совершенно в безлюдном месте на весну и на лето». В рапорте анализируются причины незначительного влияния миссии, заключающиеся, по мнению иеромонаха, как в территориально-климатических условиях, так и в субъективных факторах. К последним он относит отсутствие переводчиков (толмачей), проводников и ямщиков, согласных отправляться вместе с миссионерами в далекое опасное путешествие к «немирным» чукчам, так как «неизбежная голодовка, а главное, сильное вымирание лишили эти места оседлых и незаменимо-необходимых в этих краях для миссии людей, и самая местность на пути к носовым чукчам сделалась совершенно безлюдной с ранней осени до поздней весны; летом же на всем протяжении кочует незначительное количество оленных чукчей со своими табунами... последний из этих юаги-ров, Лакчин, умер в минувшем году, сопровождавший миссионера Суворова, служивший переводчиком экспедиции барона Майделя, затем переводчиком при переговорах исправника с чукчами в Анюйской крепости... рушилась последняя надежда, по крайней мере, для меня посетить отдаленных носовых чукч». Даже установив место кочевья чукчей пребывание у них представляло опасность: «...были же случаи на Шелагском мысу с миссионером иеромонахом Дионисием⁴, которого покушалась зарезать старуха-чукчанка и исключительно за то, что он, давая чукчам черкасского табаку, не заметив ее, и оставил без подарка» [13, ф. 228-и. оп. 1. д. 537]. Миссионеры, кроме прочего, были ограничены в средствах, так как финансирование миссии и получение жалования были нерегулярными.

В 1868 г. было создано Православное миссионерское общество, взявшее на себя обязанности организации и контроля миссионерской деятельности Русской православной церкви. Заметим, что правительство, проявляя заинтересованность в функционировании Общества как распространителя верноподданических настроений и грамотности среди населения окраин империи, тем не менее, не предоставляло гарантий его материальной поддержки. Вопросы обеспеченности Общества и его региональных филиалов являлись обязанностью православных иерархов и решались во многом за счет членских взносов и добровольных жертвователей.

Организационное оформление Общества связано в том числе с замещением кафедры Митрополита Московского и Коломенского Иннокентия (Вениаминова)⁵, известного миссионера Сибири и Русской Америки, более четверти века посвятившего обращению в православие алеутов, креолов и представителей других северных народностей. Благодаря его ходатайствам и рекомендациям в 1840 г. была образована Камчатская, а в 1870 г. Якутская епархии. Архиепископ неоднократно указывал, что первым необходимым условием и самой важной задачей миссионера «является изучение местных языков и наречий для того, чтобы сделать православие более понятным и доступным для северных народов». В 1870 г. под председательством епархиального архиерея был создан Якутский комитет православного миссионерского общества, обеспечивающий финансовое содержание миссионерского двухклассного училища и станов.

Указом Синода в 1906 г. на основании предварительного соглашения между архиепископом Тихоном (Белавиным)⁶, епископом Аляскинским Иннокентием (Пустыньским)⁷ и епископом Якутским Макарием (Павловым)⁸ Чукотская миссия была присоединена в состав Аляскинской и Североамериканской епархии Русской православной церкви, так как на Чукотку миссионерам легче было добраться морем со стороны Аляски. Чукотская миссия была приписана к Куикпакской (Юконской) миссии Свято-Михайло-Редутского благочиннического округа.

Но, как свидетельствуют источники, и после официальной передачи Чукотской миссии в ведение Аляскинского архиерея настоятели станов продолжали присылать отчетную документацию в Якутскую духовную консисторию. Более того, в клировых ведомостях Элombальского Николаевского миссионерского стана за 1909 г. отмечено, что стан состоял в ведении Чаунской миссионерской церкви и рукоположения на служение во стане совершал епископ Якутский и Вилюйской, что противоречит указу Синода [13, ф. 226-и. оп. 9. д. 51. л. 10]. Сень-Кельский Иннокентьевский миссионерский стан по-прежнему относился к приходу Средне-Колымского Покровского собора; документация стана находилась в Нижне-Колымском храме, что также указывает на то, что Чаунская миссия была оставлена в соста-

ве Якутской епархии. Списки приходов Якутской и Вилюйской епархии начала XX в. также содержат Чукотскую миссию [13, ф. 226-и. оп. 1. д. 27; оп. 2. д. 2; оп. 9. д. 1, 11, 19, 26, 30].

К началу XX в. большинство жителей Чукотки были крещены в православную веру. В документах Чауно-Чукотской церкви за 1902 г. указывается 1 320 прихожан-чукчей [13, ф. 226-и. оп. 9. д. 51. л. 10]. Исследователи отмечают, что обязательной принадлежностью традиционных жилищ стали иконы, хранящиеся при перекочевках в специальных кожаных мешочках-футлярах, большинство из коренных жителей полуострова помнили имена, данные при крещении, крестили детей и венчали браки, присутствовала традиция ежедневной семейной молитвы [25, с. 84–85].

Можно выделить несколько этапов миссионерской деятельности Русской православной церкви на Чукотке.

Первый – с середины XVII в. до 1778 г., когда в связи с военным противостоянием чукчей и неопределенностью русско-чукотских отношений миссионерская работа была эпизодична.

После заключения в 1778 г. мирного договора начинается деятельность часовни на ярмарке в Анное, походное служение веропрповедников, строительство Чаунского храма и, как следствие, выделение отдельного прихода на Чукотке. Данный этап связан со служением «истинных миссионеров» А. Аргентова и П. Суворова, оставивших добрую память в поколениях чукчей.

Третий этап характеризуется созданием на Чукотке православной миссии со станами, установленной структурой, территориальными границами и штатом миссионеров, открытием первой на Чукотке церковно-приходской школы.

Очевидно, что распространение православия на Чукотке в XVII – начале XX в., в отличие от Сибири, где утвердилось общерусская христианская цивилизация, от Якутской области, где Русская Православная церковь в условиях незначительной численности и влияния крестьянства и чиновничества стала одним из интеграторов региона в общероссийское пространство, не стало значимым фактором в системе имперской политики по включению полуострова в состав Российского государства, что связано как с объективными (суровый климат, кочевой образ жизни населения, отсут-

ствии путей сообщения), так и с субъективными (длительное вооруженное сопротивление, малочисленность миссионеров и их недостаточное материальное обеспечение, отсутствие постоянно контроля деятельности миссий) причинами. Несмотря на наличие на полуострове российских пограничных знаков, чукчи до конца XIX в., оставались вне сферы русской системы управления и власть не имела значительного влияния на чукотское общество.

Для достижения значимых результатов в условиях Чукотки было необходимо постоянное (регулярное) миссионерское служение, требующее как материальных вложений (оплата проезда миссионеров, продовольствия, труда переводчиков, создание условий проживания миссионеров), так и самопожертвования, на которое способен не каждый из миссионеров.

Вместе с тем созданная Русской Православной церковью система по распространению образования, просвещения и русской культуры стала причиной появления культурных явлений на Крайнем Северо-Востоке: письменности, школьного образования, семейного календаря и др. Учитывая независимый нрав чукчей и их особое положение в государстве, церковная обрядность признавалась ими как неизбежный элемент.

В настоящее время на Чукотке с 2000 г. действует Анадырская и Чукотская епархия русской православной церкви с центром в г. Анадыре, объединяющая 17 приходов на территории Чукотского автономного округа. Можно назвать пророческими слова первого епископа Анадырского и Чукотского Диомида (Дзюбана), сказанные на хиротонии: «...люди, живущие на просторах Дальнего Востока, как и во времена Святителя Иннокентия (Вениаминова), просты в общении и открыты для проповеди Евангелия Царства Божия. Они легко усваивают начатки добра и с радостью внимают словам духовного просвещения. Широкое поле здесь открыто каждому миссионеру...» [9].

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ *Аргентов Андрей Иванович* (1816–1896), уроженец Нижегородской губернии, окончил духовное училище и семинарию. В 1841 г. был направлен на служение в Иркутскую епархию, в 1843 г.

назначен священником Нижне-Колымской церкви, в 1850 г. – Чаунской миссионерской церкви, в 1858–1875 гг. – иерей церковью Иркутской епархии.

² *Верста* – русская единица измерения расстояния, равная пятистам сажням или тысяче пятистам аршинам (что соответствует нынешним 1 066,8 м, до реформы XVIII в. – 1 066,781 м).

³ *Мелетий (Якимов Михаил Кузьмич)* (1835–1900), епископ Якутский и Вилюйский в 1888–1896 гг., уроженец Вятской губернии, выпускник Казанской духовной академии. Известный миссионер и подвижник, просветитель Сибири, оставил богатое наследие добрых дел и печатных трудов. Причислен к Собору Сибирских Святых.

⁴ *Дионисий (Хитров Дмитрий Васильевич)* (1818–1896), первый архиерей Якутской епархии, уроженец Рязанской губернии. После окончания семинарии в Рязани был, направлен на миссионерское служение в Иркутскую епархию. В 1841–1851 гг. служил в г. Якутске. В 1851 г. по указу Св. Синода возведен в звание миссионера, в 1857 г. – в сан протоиерея с назначением к Среднеколымской Покровской церкви. В 1868 г. хиротонисан во епископа Якутского и Вилюйского с наречением именем Дионисия. В 1883 г. перемещен на Уфимскую кафедру, скончался в 1896 г. в сане епископа Уфимского и Мензелинского.

⁵ *Иннокентий (Вениаминов) (Попов Иван Евсеевич)* (1797–1879), уроженец Верхотурского уезда Иркутской губернии, с 1823 г. – миссионер-священник в Русской Америке, затем Архиепископ Камчатский, Курильский и Алеутский, с 1868 г. – митрополит Московский и Коломенский. Известный миссионер Сибири, Дальнего Востока и Аляски, член Синода, ученый-лингвист и этнолог, почетный член Императорского Русского географического общества. В 1977 г. канонизирован и причислен к лику святых.

⁶ *Тихон (Белавин Василий Иванович)* (1865–1925), уроженец Псковской губернии, с 1898 г. – епископ Алеутский и Аляскинский, в 1900–1907 гг. – Алеутский и Северо-Американский. Викарий Аляскинский Алеутской епархии, с 1905 г. архиепископ, в 1917 г. возведен в сан митрополита. В 1917–1925 гг. – Патриарх Московский и всея России, первый после восстановления патриаршества в России. В 1989 г. канонизирован в лике святителей Русской православной церкви.

⁷ *Иннокентий (Пустынский Александр Дмитриевич)* (1869–1937), уроженец Вологодской губернии, окончил Киевскую духовную академию, магистр богословия, в 1903–1907 гг. епископ Аляскинский, первый викарий Алеутской и Северо-Американской епархии, в 1907 г. – временно управляющий Алеутской и Северо-Американской епархией, в 1909–1912 гг. – епископ

Якутский и Виллойский. Духовный писатель, проповедник, полиглот.

⁸ *Макарий (Павлов Михаил Михайлович)* (1867 – после 1925 г.), уроженец Томской губернии, окончил Казанскую духовную академию, епископ Якутский и Виллойский в 1905–1909 годах.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Архивные сведения о Чукотской миссии за 1858–1868 гг. // Якутские епархиальные ведомости. – 1910. – № 14.
2. Богораз, В. Г. Чукчи : в 2-х ч. / В. Г. Богораз. – Л. : Изд-во Ин-та народов Севера, 1934.
3. Боякова, С. И. Освоение Арктики и народы Северо-Востока Азии (XIX в. – 1917 г.) / С. И. Боякова. – Новосибирск : Наука, 2001. – 160 с.
4. Вдовин, И. С. К истории общественного строя чукчей / И. С. Вдовин // Учен. зап. Ленинград. гос. ун-та. – 1950. – Вып. 1, № 115. – С. 91–98.
5. Воробьева, Т. В. Американские источники о русских участниках движения на восток / Т. В. Воробьева // Камчатка: прошлое и настоящее : материалы XXI Крашенинниковских чтений. – Петропавловск-Камчатский : Камч. обл. науч. б-ка им. С. П. Крашенинникова, 2004. – С. 15–21.
6. Всеподданнейший отчет обер-прокурора Святейшего Синода по ведомству православного исповедания за 1888 и 1889 гг. – СПб., 1891. – 215 с.
7. Долгих, Б. О. Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII в. / Б. О. Долгих. – М. : Изд-во АН СССР, 1960. – 621 с.
8. Ефимов, А. В. Из истории великих географических открытий в Северном Ледовитом и Тихом океанах / А. В. Ефимов. – М. : Гос. изд-во. геол. лит., 1950. – 317 с.
9. Завьялов, С. Анадырская и Чукотская епархия Русской Православной Церкви / С. Завьялов. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <http://pravostok.ru/blog/anadirskaya-i-chukotskaya-eparhiya-gyuskskoi-pravoslavnoi-cerkvi>. – Загл. с экрана.
10. Зуев, А. С. Отечественная историография присоединения Сибири к России / А. С. Зуев. – Новосибирск : Новосиб. гос. ун-т, 2007. – 120 с.
11. Зуев, А. С. Присоединение Чукотки к России (вторая половина XVII – XVIII век) / А. С. Зуев. – Новосибирск : Изд-во СО РАН, 2009. – 444 с.
12. Миллер, Г. Ф. История Сибири : в 2-х т. / Г. Ф. Миллер. – М. : Вост. лит., 1999.
13. Национальный архив Республики Саха (Якутия). – Ф. 226-и ; Ф. 228-и.
14. Нефедкин, А. К. Военное дело чукчей (середина XVII – начало XX в.) / А. К. Нефедкин. – СПб. : Петербургское востоковедение, 2003. – 352 с.
15. Оглезнева, Т. Н. Русское географическое общество: изучение народов северо-востока Азии. 1845–1917 гг. / Т. Н. Оглезнева. – Новосибирск : Наука, 1994. – 176 с.
16. Очерки истории Чукотки с древнейших времен до наших дней / отв. ред. Н. Н. Диков. – Новосибирск : Наука, 1974. – 453 с.
17. Полевой, Б. П. Вхождение в состав России части восточных чукчей в 1687–1688 гг. // История и культура народов Северо-Востока СССР : материалы 3-й сессии Дальневост. ист. чтений по проблемам истории Северо-Востока СССР. – Владивосток : ДВНЦ АН СССР, 1976. – С. 219–223.
18. Попов, Г. А. Сочинения. Т.1. История христианского просвещения якутов других инородцев Якутской области / Г. А. Попов. – Якутск : ИГИ и ПМНС СО РАН, 2013. – 282 с.
19. Порталь, Р. Исследования по истории, историографии и источниковедению регионов России / Р. Порталь. – Уфа : Гилем, 2005. – 250 с.
20. Прибавления к Иркутским епархиальным ведомостям. – 1869. – 29 марта (№ 13).
21. Путешествие капитана Биллингса через Чукотскую землю от Берингова пролива до Нижне-Колымского острога, и плавание капитана Галла на судне Черном Орле по Северо-Восточному океану в 1791 г. – СПб., 1811. – 191 с.
22. Романцова, Т. Подвиг православного служения / Т. Романцова // Земля Иркутская. – 2000. – № 14. – С. 45–50.
23. Сарычев, Г. А. Путешествие по северо-восточной части Сибири, Ледовитому морю и Восточному океану / Г. А. Сарычев. – М. : Гос. изд-во. геогр. лит., 1952. – 325 с.
24. Ткалич, А. И. Культурно-просветительская деятельность Русской православной церкви на Крайнем Северо-Востоке в досоветский период / А. И. Ткалич. – М. : Изд-во МГОУ, 2011. – 181 с.
25. Ткалич, А. И. Чукотская миссия и ее значение в христианском просвещении коренного населения Чукотки в досоветский период / А. И. Ткалич // Миссия Русской православной Церкви в Сибири и Америке (к 125-летию со дня рождения Святителя Иннокентия (Вениаминова) : материалы Всероссийской конф. – Якутск : Овсет, 2014. – С. 77–85.
26. Харченко, Л. Н. Миссионерская деятельность православной церкви в Сибири (вторая половина XIX в. – февраль 1917 г.): очерк истории / Л. Н. Харченко. – СПб. : Нестор, 2004. – 224 с.
27. Элерт, А. Х. Миллер о взаимоотношениях между русскими и аборигенами народами Сибири / А. Х. Элерт // Региональные процессы в Сибири в контексте российской и мировой истории : тезисы докладов и сообщений Всероссийской науч. конф. – Новосибирск : Ин-т истории СО РАН, 1998. – С. 33–36.

28. Goider, F. A. Russian Expansion on the Pacific, 1641-1850: An Account of the Earliest and Later Expeditions Made by the Russians Allong the Pacific Coast of Assia and Norht America, Including Some Related Expeditions to the Arctic Regions / F. A. Goider. – Cleveland : The Arthur H. Clark Company, 1914. – 368 p.

29. Sokol, A. E. Russian Expansion and Exploration in the Pacific / A. E. Sokol // The American Slavic and East European Review. – 1952. – № 11. – P. 85–102.

REFERENCES

1. Arkhivnye svedeniya o Chukotskoy missii za 1858-1868 gg. [The Archival Information on the Chukotka Mission for 1858-1868]. *Yakutskie eparkhialnye ведомosti*, 1910, no. 14.

2. Bogoraz V.G. *Chukchi: v 2 ch.* [The Chukchi. In 2 Parts]. Leningrad, Izd-vo narodov Severa, 1934.

3. Boyakova S.I. *Osvoenie Arktiki i narody Severo-Vostoka Azii (XIX v. - 1917 g.)* [Development of the Arctic and the People of the North-East Asia (19th Century - 1917)]. Novosibirsk, Nauka Publ., 2001. 160 p.

4. Vdovin I.S. K istorii obshchestvennogo stroya chukchey [On the History of the Social System of the Chukchi]. *Uchenye zapiski Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta*, 1950, iss. 115, no. 1, pp. 91-98.

5. Vorobyeva T.V. Amerikanskii istochniki o russkikh uchastnikakh dvizheniya na vostok [American Sources on the Russian Participants in the Movement to the East]. *Kamchatka: proshloe i nastoyashchee: materialy XXI Krashennikovskikh chteniy* [Kamchatka: the Past and the Present: Proceedings of the 21st Krashennikov Readings]. Petropavlovsk-Kamchatsky, Kamchatskaya oblastnaya nauchnaya biblioteka im. S.P. Krashennikova, 2004, pp 15-21.

6. *Vsepoddanneyshiy otchet ober-prokurora Svyateyshego Sinoda po vedomstvu pravoslavnogo ispovedaniya za 1888-1889 gg.* [The Most Humble Report of Prosecutor of the Holy Synod of the Orthodox Faith in 1888-1889]. Saint Petersburg, 1891. 215 p.

7. Dolgikh B.O. *Rodovoy i plemennoy sostav narodov Sibiri v XVII v.* [Family and Tribal Composition of the Peoples of Siberia in the 17th Century]. Moscow, Izd-vo AN SSSR, 1960. 621 p.

8. Efimov A.V. *Iz istorii velikikh geograficheskikh otkrytiy v Severnom Ledovitom i Tikhom okeanakh* [From the History of the Great Geographical Discoveries in the Arctic and Pacific Oceans]. Moscow, Gosudarstvennoe izd-vo geologicheskoy literatury, 1950. 317 p.

9. Zavyalov S. *Anadyrskaya i Chukotskaya eparkhiya Russkoy Pravoslavnoy Tserkvi* [Anadyr and Chukotka Diocese of the Russian Orthodox Church]. Available at: <http://pravostok.ru/blog/anadyrskaya-i-chukotskaya-eparhiya-rysskoi-pravoslavnoi-cerkvi/>. (accessed February 15, 2015).

10. Zuev A.S. *Otechestvennaya istoriografiya prisoedineniya Sibiri k Rossii* [Domestic Historiography of Joining Siberia to Russia]. Novosibirsk, Novosibirskiy gosudarstvennyy universitet, 2007. 120 p.

11. Zuev A.S. *Prisoedinenie Chukotki k Rossii (vtoraya polovina XVII-XVIII vek)* [Joining of Chukotka to Russia (Second Half of the 17th - 18th Century)]. Novosibirsk, Izd-vo SO RAN, 2009. 444 p.

12. Miller G.F. *Istoriya Sibiri: v 2 t.* [The History of Siberia. In 2 vols.]. Moscow, Vostochnaya literature Publ., 1999.

13. *Natsionalnyy arkhiv Respubliki Sakha (Yakutiya)* [The National Archive of the Republic of Sakha (Yakutia)]. F. 226-i; F. 228-i.

14. Nefedkin A.K. *Voennoe delo chukchey (seredina XVII – nachalo XX v.)* [Military Service of Chukchi (mid 17-Beginning of the 20th Century)]. Saint Petersburg, Peterburgskoe vostokovedenie Publ., 2003. 352 p.

15. Oglezneva T.N. *Russkoe geograficheskoe obshchestvo: izuchenie narodov severo-vostoka Azii. 1845-1917 gg.* [Russian Geographical Society: A Study of the Peoples of North-East Asia. 1845-1917]. Novosibirsk, Nauka Publ., 1994. 176 p.

16. Dikov N.N., ed. *Ocherki istorii Chukotki s drevneyshikh vremen do nashikh dney* [Essays on the History of Chukotka From Ancient Times to the Present Day]. Novosibirsk, Nauka Publ., 1974. 453 p.

17. Polevoy B.P. *Vkhozhdenie v sostav Rossii chasti vostochnykh chukchey v 1687-1688 gg.* [The Membership of Eastern Chukchi in the Russian Part in 1687-1688]. *Istoriya i kultura narodov Severo-Vostoka SSSR: materialy 3-y sessii Dalnevostochnykh istoricheskikh chteniy po problemam istorii Severo-Vostoka SSSR* [The History and Culture of the Peoples of the North-East USSR: Proceedings of the 3rd Session of the Far East Historical Readings on the Problems of the USSR North-East History]. Vladivostok, DVNTs AN SSSR, 1976, pp. 219-223.

18. Popov G.A. *Sochineniya. T.1. Istoriya khristianskogo prosveshcheniya yakutov drugikh inorodtsev Yakutskoy oblasti* [Works. Vol. 1. The History of the Christian Education of the Yakuts of Other Foreigners in the Yakut Region]. Yakutsk, IGI i PMNS SO RAN Publ., 2013. 282 p.

19. Portal R. *Issledovaniya po istorii, istoriografii i istochnikovedeniyu regionov Rossii* [Research on the History, Historiography and Source Studies of Russian Regions]. Ufa, Gilem Publ., 2005. 250 p.

20. *Pribavleniya k Irkutskim eparkhialnym vedomostyam* [Additions to Irkutsk Diocesan Newspaper], 1869, March 29 (no. 13).

21. *Puteshestvie kapitana Billingsa chrez Chukotskuyu zemlyu ot Beringova proliva do Nizhne-Kolymскогоostroga, i plavanie kapitana Galla na sudne Chernom Orel po Severo-Vostochnomu okeanu v 1791 g.* [The Journey of Captain Billings Through the Chukotka Land From the Bering Strait to the Lower Kolyma Jail, and the Voyage of Captain Gall on Board of the Black Eagle in the North-Eastern Ocean in 1791]. Saint Petersburg, 1811. 191 p.

22. Romantsova T. Podvig pravoslavnykh sluzheniya [Exploit of Orthodox Service]. *Zemlya Irkutskaya*, 2000, no. 14, pp. 45-50.

23. Sarychev G.A. *Puteshestvie po severo-vostochnoy chasti Sibiri, Ledovitomu moryu i Vostochnomu okeanu* [Travel to the North-East Siberia, the Arctic Sea and the Eastern Ocean]. Moscow, Gosudarstvennoe izd-vo geograficheskoy literatury, 1952. 325 p.

24. Tkalich A.I. *Kulturno-prosvetitel'skaya deyatelnost Russkoy pravoslavnoy tserkvi na Kraynem Severo-Vostoke v dosovetskiy period* [Cultural and Educational Activity of the Russian Orthodox Church in the Far North-East in the Pre-Soviet Period]. Moscow, MGOU Publ., 2011. 181 p.

25. Tkalich A.I. Chukotskaya missiya i ee znachenie v khristianskom prosveshchenii korennykh naseleniya Chukotki v dosovetskiy period [Chukotka Mission and Its Value in the Christian Education of Native Population of Chukotka in the Pre-Soviet Period]. *Missiya Russkoy pravoslavnoy Tserkvi v Sibiri i Amerike (k 125-letiyu*

so dnya rozhdeniya Svyatitelya Innokentiya (Veniaminova): materialy Vserossiyskoy konferentsii [The Mission of the Russian Orthodox Church in Siberia and America (to the 125th Anniversary of the birth of Saint Innocent Metropolitan of Moscow (Veniaminov): Proceedings of All-Russian Conference]. Yakutsk, Ovset Publ., 2014, pp. 77-85.

26. Kharchenko L.N. *Missionerskaya deyatelnost pravoslavnoy tserkvi v Sibiri (vtoraya polovina XIX v. – fevral 1917 g.)* [Missionary Activity of the Orthodox Church in Siberia (the Second Half of the 19th Century – February 1917)]. Saint Petersburg, Nestor Publ., 2004. 224 p.

27. Elert A.Kh. Miller o vzaimootnosheniyakh mezhdru russkimi i aborigenami narodami Sibiri [Miller on the Relationship Between the Russians and the Aboriginal Peoples of Siberia]. *Regionalnye protsessy v Sibiri v kontekste rossiyskoy i mirovoy istorii: tezisy dokladov i soobshcheniy Vserossiyskoy nauchnoy konferentsii* [Regional Processes in Siberia in the Context of Russian and World History: Theses of Reports and Messages of the All-Russian Scientific Conference]. Novosibirsk, Institut istorii SO RAN, 1998, pp. 33-36.

28. Goilder F.A. Russian Expansion on the Pacific, 1641-1850: An Account of the Earliest and Later Expeditions Made by the Russians Allong the Pacific Coast of Assia and Norht America, Including Some Related Expeditions to the Arctic Regions. Cleveland, The Arthur H. Clark Company, 1914. 368 p.

29. Sokol A.E. Russian Expansion and Exploration in the Pacific. *The American Slavic and East European Review*, 1952, no. 11, pp. 85-102.

MISSIONARY ACTIVITY OF THE RUSSIAN ORTHODOX CHURCH IN CHUKOTKA (17TH - EARLY 20TH cc.)

Yurganova Inna Igorevna

Candidate of Sciences (History),

Senior Researcher, Department of History of Yakutia, Institute for Humanities Research and Indigenous Studies of the North, Siberian Branch of RAS

inna.yurganova@mail.ru

Petrovskogo St., 1, 677000 Yakutsk, Russian Federation

Abstract. We consider the missionary activity of the Russian Orthodox Church in the Chukotka Peninsula in the context of civilizational component integration into the Russian imperial areas in the 17th - early 20th centuries, including a brief historiography of the problem, the history of the construction of churches and chapels, the creation of the Orthodox mission, its structure and the territorial boundaries of the missionary activities. The author defines milestones for the Christianization of the Chukchi, introduces into science unpublished archival sources, assesses the activities of missionaries, determines the outcome of the spread of Orthodoxy in the beginning of the 20th century. It has been established that the state and church authorities, taking into consideration the difficulties of serving on the outskirts of the

empire, developed a system of privileges and rewards for missionaries: increased salaries, payments ration and others, but missionary (marching) service was difficult and dangerous.

It is noted that despite the actual transfer of the Chukotka mission Aleutian diocese (headed by future Russian Patriarch Tikhon (Belavin) in the beginning of the 20th century, statements of mission and purpose of the missionaries remained the prerogative of the Yakutian bishops.

The study found that the spread of Orthodoxy in the Chukotka region in the 17th – early 20th centuries did not become a significant factor in the imperial policy on including the peninsula in the Russian state, which is associated with objective (harsh climate, a nomadic way of life of the population, lack of railways) and subjective (long armed resistance, the small number of missionaries and the lack of material software, the lack of permanent control) reasons. In order to achieve significant results Chukotka needed constant (regular) missionary work, requiring both tangible investments (travel missionaries, food, labor, interpreters, creating living conditions for missionaries), and self-sacrifice. However, the Russian Orthodox Church system for the dissemination of education and culture was the cause of cultural phenomena in the Far North-East.

Key words: Chukotka, missionary work, civilizational influence, Chaun-Chukotka missionary camp, camping service, nomads, Chukchi, church.